

Цзян-ши со слезами на глазах улыбнулась и сказала:

— Спасибо бабушке А-по за добрые слова. Бедняжка, такой маленький, а вынужден вместе со мной терпеть палящее солнце и проливной дождь, месить грязь и страдать.

Бабушка А-по отмахнулась:

— Переносить тяготы — это благословение. Из бедных семей выходят знатные люди, а испытания закаляют мудрецов и святых. Этот малыш — судьба его не обычная.

Трехлетний Цзян Цзыя не любил шумных забав, зато больше всего на свете обожал возиться с маленькими обитателями полей. Если дождевой червь зарывался в землю, он молча наблюдал за ним, не трогая и не тревожа; когда пчела собирала нектар, он лишь слегка отступал в сторону и тихонько приговаривал что-то своё; а когда над цветами порхали бабочки, уголки его рта слегка приподнимались в мягкой улыбке. Он никогда не гонялся за ними и не пугал их. Даже полевые мыши и дикие зайцы, пробегая мимо, замедляли шаг, словно чувствовали его доброе сердце и отсутствие злого умысла.

Глядя на бабочку, Цзян Цзыя тихо прошептал:

— Лети не спеши, берегись, как бы озорной мальчишка не поймал.

Услышав это, Цзян-ши ласково произнесла:

— Ты так добр, что все живые существа хотят быть ближе к тебе.

Крестьяне, трудившиеся на полях, издалека поглядывали на них и шептались между собой:

— Этот ребенок из семьи Цзян такой странный: птицы, звери, насекомые — никто его не боится, наоборот, так и льнут к нему.

— И правда, никогда не плачет, не носится где попало, тихий и спокойный, куда рассудительнее взрослых.

— Вот только худой слишком, смотреть больно. С матерью-то ему и впрямь тяжело приходится.

— Зато нрав у него на редкость хороший, не ссорится, смуту не сеет — в сто раз лучше тех деревенских сорванцов.

Однажды после полудня, когда солнце уже клонилось к закату и спала летняя жара, Цзян-ши вместе с Цзян Цзыей полола сорняки на меже, собираясь уже закончить работу и идти домой.

Мать с сыном зашагали обратно по узкой полевой тропинке. Дорожка была тесной, по обочинам буйно разрослись сорняки, кишели мошкара и густые заросли травы.

Цзян-ши крепко держала его за маленькую ручку и тихо предупредила:

— Дорога узкая, трава высокая, иди помедленнее, смотри не споткнись и держись подальше от ядовитых тварей.

Цзян Цзыя послушно отозвался:

— Мама тоже иди помедленнее, я буду поддерживать тебя.

Едва они прошли полпути, как трава впереди внезапно зашевелилась. Оттуда с молниеносной быстротой выскочила толстая, с локоть длиной, черно-зеленая ядовитая змея и замерла посреди дороги. Ее треугольная голова взметнулась высоко вверх, а багровое жало непрерывно выбрасывалось наружу, издавая зловещее шипение. От гадины веяло ледящим холодом, в глазах горел свирепый блеск. Она стремительно бросилась на трехлетнего Цзян Цзыю — скорость была невероятной, наружу торчали острые клыки, и с первого взгляда было ясно, что яд смертельный.

Цзян-ши от ужаса чуть не лишилась рассудка. Ее лицо побелело как бумага, тело забилося в крупной дрожи, ноги подкосились, едва удерживая на весу. Выпустив полный отчаяния крик, она завопила:

— Сынок! Скорее беги! Змея!

Она бросилась вперед, словно безумная, желая заслонить ребенка собой. Сердце подпрыгнуло к самому горлу, всё внутри леденело, а перед глазами плыл мир. Ее собственная жизнь всегда была горькой, и этот ребенок оставался ее единственной надеждой. Если ядовитая змея укусит его, она тоже не станет жить.

Несколько крестьян, трудившихся вдали на поле, услышали крик, в испуге подняли головы и, увидев бросающуюся на ребенка змею, разом изменились в лице. Они заголосили во весь голос:

— Беги скорее! Это стоножка, она смертельно ядовита! Укусит — живым не останешься!

— Матушка Цзян, хватай ребенка и бери ноги в руки! Не медли!

— Хватайте мотыгу, бейте змею! Не дайте ей покалечить малыша!

Все вокруг были уверены, что трехлетний ребенок от страха непременно расплачется и

бросится наутек, отчего змея лишь быстрее его укусит.

Однако Цзян Цзыя стоял на прежнем месте. Босой, он твердо упирался ножками в сырую землю, его спина была прямой, а сам он не шелохнулся ни на дюйм. Столкнувшись лицом к лицу с ядовитой змеей, он не выказал ни паники, ни страха, не заплакал и не закричал. Его выражение лица оставалось совершенно спокойным, а чистые глаза — безмятежными, словно перед ним была не смертоносная тварь, а безобидная букашка.

Заливаясь слезами, Цзян-ши кричала:

— Сынок! Беги же! Умоляю тебя!

Цзян Цзыя обернулся и мягко успокоил ее:

— Мама, не бойся, она мне не навредит.

Он слегка опустил взгляд, окинул взором полевую межу у своих ног, небрежно сорвал широкий лист горького салата, легко зажал его между пальцами и небрежно бросил в сторону змеи.

Этот листик был не больше обычной травинки — ни лекарства, ни яда, ни лезвия, ни острых краев. Но стоило ему упасть перед змеей, как та словно наткнулась на невидимую, но сокрушительную волну силы. Ее тело судорожно задеревенело, гордо поднятая голова мгновенно опустилась, шипение оборвалось на полуслове, а вся кровожадная ярость разом испарилась. Рептилия задрожала всем телом, не смея сделать вперед ни единого шага.

Прошло всего мгновение, как змея медленно опустила голову, прижалась к земле, неуклюже развернулась и поползла обратно в заросли. Она убиралась прочь, не смея даже оглянуться, словно встретила само воплощение своей извечной гибели — трепещущая от страха и благоговейного ужаса, она больше не осмеливалась выказывать ни малейшей дерзости.

Всё это произошло в доли секунды: змея отступила, вокруг воцарился полный мир, будто никакой смертельной опасности только что и не было.

Цзян-ши вихрем подлетела к сыну и крепко прижала его к груди. Ее тело крупно трясло, из глаз хлынули потоки слез, и она зарыдала в голос, охваченная жутчайшим пережитком страха:

— Мама чуть не умерла от ужаса... Чуть не умерла... Сынок, почему ты не побежал? Почему не спрятался? Разве ты не знал, что это ядовитая змея? Укуси она тебя, мама бы не выжила!

Крестьяне тоже сбежались со всех сторон, обступив их кругом. Каждый из них был бледен от страха и не верил собственным глазам.

— О боже мой... Этот малыш... неужели он не боится ядовитых змей?

— Почему это она так покорно уползла? Просто чертовщина какая-то! Невероятно!

— Он ведь просто бросил листочек травы, и змея испугалась! Как такое вообще возможно?

— Уж не защищают ли его божественные силы? Иначе откуда такое чудо?!

Цзян-ши долго прижимала к себе ребенка и плакала навзрыд. Лишь спустя какое-то время она немного пришла в себя, взяла его крошечное личико в ладони и дрожащим голосом допытывалась:

— Сынок, скажи маме, что ты только что сделал? Почему эта ядовитая змея послушно убралась восвояси? Тебе разве не было страшно? Как ты мог сохранить такое хладнокровие?

Окружающие крестьяне тоже затаили дыхание, обратившись в слух в ожидании ответа. Ими владели жгучее любопытство и трепетный ужас.

Цзян Цзыя отвечал совершенно ровным голосом:

— Мама, мне не страшно. Ее ци свирепа, моя ци спокойна. Их ци не сошлись, вот она и отступила.

Цзян-ши в растерянности замерла и переспросила:

— Ци не сошлись? Какая еще ци? Мама ничего не понимает, объясни ей потолковее.

Цзян Цзыя поднял руку, прикоснулся пальчиком к собственной груди, затем указал на то место, куда скрылась змея, и серьезно пояснил:

— Во всем небе и земле есть ци. У травы и деревьев есть ци, у зверей и насекомых есть ци, и у человека она есть. Змеиная ци — свирепая и злобная, ее буйство способно ранить живое. Мое же сердце спокойно, а ци гармонична, я не вступаю с ней в борьбу, поэтому она и не смеет приблизиться. А листочек салата лишь направил ци, чтобы преградить ей путь, вот она и поняла, что не справится, и ушла.

Помолчав, он добавил:

— Я не причиняю ей вреда, и она мне не вредит. Пусть каждый останется на своем месте, так будет лучше всего.

Слушавшие его люди онемели от изумления. Переглядываясь друг с другом, они не находили слов: трехлетний ребенок рассуждает о какой-то ци, о небесном дыхании, о гармонии в сердце! Его слова звучали четко и здраво, а смысл был глубок до невероятности — это далеко выходило за рамки обычного человеческого понимания. Толпа еще долго молчала, не в силах вымолвить ни слова.

Старый лекарь, опираясь на мотыгу, вышел вперед, поглаживая бороду, с лицом, полным потрясения:

— Чудо! Прирожденный чудо-ребенок! Он постиг дыхание и законы неба и земли, он от рождения надежен способностью повелевать ци! Да что там трехлетний малыш — даже я, прожив семьдесят лет, до такого додуматься не смог бы!

Один из крестьян дрожащим голосом спросил:

— Малыш, ты что же, и вправду видишь небесную ци? И можешь силой мысли прогонять змей?

Другой не преминул уточнить:

— А если в следующий раз встретишь дикого зверя, тоже сможешь так справиться?

Цзян Цзыя мягко кивнул, но отвечать больше не стал. Он лишь крепко обнял мать за шею, уткнулся лицом ей в плечо, снова превратившись в того самого неразговорчивого и тихого ребенка, каким был всегда. Больше он не проронил ни слова, строго исполняя завет скрывать свои таланты и не выставлять напоказ ни единой крупы своего дара.

Цзян-ши торопливо прижала сына к себе, низко поклонилась окружающим, а ее испуганный голос дрожал:

— Уважаемые соседи, ребенок просто мелет чепуху! Ему просто случайно повезло напугать змею, не принимайте всерьез, не принимайте всерьез!

Боясь, что ее сына снова сочтут каким-нибудь уродом или демоном, она спешно подхватила Цзян Цзыю на руки и поспешно распрощалась с односельчанами, спеша домой. Всю дорогу ее сердце бешено колотилось от пережитого ужаса.

По дороге Цзян-ши все еще подрагивала:

— Больше мы никогда не пойдем по этой тропинке. Даже если придется делать крюк, в высокие заросли ни ногой.

Вернувшись в обветшалую хижину, Цзян-ши усадила ребенка на край канга и, всё еще трясясь

всем телом, схватила его за маленькие ручонки, заливаясь слезами:

— Сынок, запомни раз и навсегда: больше никогда не смей вести себя так безрассудно! Ядовитые змеи и дикие звери несут смертельную опасность. Какими бы способностями ты ни обладал, нельзя играть с собственной жизнью! У мамы есть только ты, я не переживу твоей потери, понимаешь?

Цзян Цзыя поднял на мать глаза и тихонько стер ее слезы, утешая:

— Мама, не плачь, со мной все в порядке. Я смогу защитить себя и смогу защитить маму. Она мне не навредит.

Сдавленным от рыданий голосом Цзян-ши произнесла:

— Но мама боится! Стоит мне вспомнить, как эта змея бросилась на тебя, сердце начинает болеть так, будто его разрывают на куски! Тебе всего три года, ты еще совсем малыш, ты не должен проходить через такое, не должен сталкиваться с подобными ужасами!

Цзян Цзыя сжал мозолистую руку матери, и на его детском личике отразилась непреклонная решимость:

— Мама, я не боюсь ни свирепых змей, ни бурь, ни нищеты. Я умею узнавать травы, умею исцелять, умею прогонять змей. Если мама поранится — я вылечу; если мама будет страдать — я закрою ее собой; если мама испугается — я буду рядом.

Цзян-ши больше не смогла сдерживаться. Она крепко прижала к себе ребенка и зарыдала в голос — в ее слезах смешались боль, нежность, испуг и утешение, все чувства разом. Ее сыну всего три года, он босой пашет землю, мокнет под дождями и палящим солнцем, знает сотни трав, понимает дыхание мира, прогоняет ядовитых змей, при этом исполнен сострадания, разумен и заботлив. Почему же небо, наделив его столь необычайными талантами, заставило появиться на свет в эту нищую эпоху хаоса и выпало на его долю столько испытаний?

Услышав о происшествии со змеей на поле, бабушка А-по в тревоге прибежала в хижину. Едва переступив порог, она схватила Цзян-ши за руку и обеспокоенно спросила:

— Матушка Цзян, говорят, в поле случилось страшное? Змея не задела малыша? Расскажи скорее, как всё было! Вы сильно испугались?

Со слезами на глазах Цзян-ши во всех подробностях пересказала случившееся, а в конце вздохнула:

— Он сказал, что их ци не сошлись, и обычный листик салата заставил бежать ядовитую змею. У меня до сих пор сердце в пятки уходит.

Выслушав ее с благоговейным трепетом на лице, бабушка А-по подошла к Цзян Цзые, легко коснулась его макушки и дрожащим голосом произнесла:

— Малыш, да ты истинное божество, сошедшее с небес! Даже змеи уважают тебя и не смеют причинить вреда — это защита самой Небесной Воли, от которой не уберется ни одна нечисть!

Цзян Цзыя молча посмотрел на старушку и тихо промолвил:

— Бабушка, у всех живых существ есть душа. Если не обижать их и не причинять вреда, можно жить в мире.

Бабушка А-по закивала:

— Правильно! Как верно сказано! В чьем сердце живет доброта — от того все беды сторонятся; кто исполнен милосердия — тех небо и земля оберегают. Сердце этого ребенка шире неба, а доброта длиннее текучих вод. В будущем он непременно спасет простой народ от бед и установит порядок в Поднебесной в эпоху смут!

Затем она повернулась к Цзян-ши и строго наставила:

— Больше никогда не води его по глухим межам, там слишком много ядовитых змей и зверей. Какими бы способностями он ни обладал, нужна величайшая осторожность! И о любых странностях никому и никогда не смей рассказывать. Держи язык за зубами, прячь всё глубоко внутри, чтобы не привлечь внимания властей или злодеев и не навлечь на себя смертельную беду!

Со слезами на глазах Цзян-ши ответила:

— Я запомнила. Теперь я буду охранять его ни на шаг не отходя, больше не позволю ему рисковать и выставлять свой дар напоказ.

С тех пор Цзян-ши больше не решалась водить Цзян Цзыю по глухим тропкам. Работая в поле, они держались только открытых участков, и мать день и ночь неотлучно следовала за ребенком, проявляя предельную осторожность. А Цзян Цзыя по-прежнему каждый день сопровождал матушку на поле: месил босыми ногами грязь, подставлял лицо ветру и солнцу, распознавал целебные травы, утешал живых существ, скрывал свои таланты под личиной простоты, храня молчание. Он все так же бережно относился к труду матери: за едой сначала кормил ее, в работе помогал первым, не выражая ни малейшего недовольства.

Возвращаясь вечером домой, Цзян-ши спрашивала:

— Сегодня в поле у тебя ножки не болели? Земля холодная, смотри не простудись.

Цзян Цзы качал головой:

— Не болят. Пока я с мамой, мне не холодно.

Деревенские дети по-прежнему порой посмеивались над ним за то, что он худой, чермалый, молчаливый и увалень, который умеет только ковыряться в земле да разглядывать траву. Но он не обращал на них никакого внимания, никогда не вступал в споры. Он лишь молча глядел на траву и деревья вокруг, храня в сердце дыхание мира, ведая тайны сотен трав, с любовью к матери в груди и состраданием ко всему живому.

Издаലെка мальчишки кричали:

— Нищий сорванец! Травяной дурачок! Играть не умеет!

Цзян Цзы пропускал это мимо ушей и говорил Цзян-ши:

— Мама, не будем обращать на них внимания, пошли домой кашу пить.

Цзян-ши с болью в сердце думала:

— Это мама никудышная, раз позволяет тебе терпеть унижения.

Цзян Цзы мягко отвечал:

— Никаких унижений. Пока мама рядом, мне хорошо.

Время летело стрелой. Холода сменялись жарой, минул еще один год, и травы успели пожелтеть и зазеленеть вновь — Цзян Цзы исполнилось уже четыре года.

Тот год выдался благодатным на дожди и урожай, посеы поднялись неплохо, и жизнь в деревне, хоть и оставалась бедной, текла мирно. Цзян-ши выглядела крепче, чем в прошлые годы, а на ее лице появилась легкая улыбка. Она жила лишь одной мыслью — оберегать мирную жизнь сына, больше не смея и мечтать о большем.

Едва забрезжил ранний утренний рассвет, Цзян-ши поднялась, чтобы собрать сельскохозяйственный инвентарь, и тихонько разбудила свернувшегося калачиком на канге сына:

— Яэр, проснулся? На улице прохладно, накинь старую кофтенку и пойдем со мной в поле. Сегодня нужно прополоть и проредить всходы, а то солнце припечет — потом не управишься.

Цзян Цзыя потер глаза, послушно сел, и тихим, мягким голосом, как и прежде немногословный, ответил:

— Мама, я проснулся, мне не холодно.

Цзян-ши запахнула на нем обноски и снова принялась наказывать:

— Придешь в поле — по-прежнему поменьше смотри, поменьше слушай и ни о чем не говори. Если кто спросит о чем, только кивай или мотай головой, языком попусту не трепли и ни капли своего нрава не показывай, понял?

Четырехлетний Цзян Цзыя тихо кивнул, его взгляд оставался спокойным:

— Понял, слушаюсь маму, не буду навлекать беду и привлекать к себе взгляды.

Цзян-ши тяжело вздохнула и потрепала его по макушке:

— Тяжело тебе приходится, сынок. Такой маленький, а вынужден прятать свой характер и притворяться непонятливым увальнем. Во всем виновато это смутное время, во всем виновата никчемная мать.

Цзян Цзыя поднял на нее глаза и тихо произнес:

— Мне не тяжело. Пока мама в безопасности, я тоже в безопасности.

Мать с сыном вышли из дома. Деревенское утро еще тонуло в тумане, раздавалось пение петухов, лаем заливались собаки, вились тонкие струйки дыма. На меже уже виднелись крестьяне, вышедшие на раннюю работу. Встречая их, они лишь кивали в знак приветствия, стараясь держаться ни близко, ни далеко.

— Матушка Цзян, доброе утро.

— Ведешь сынишку в поле? Какой послушный, никогда не плачет.

— Этот мальчуган с каждым днем все тише и тише, прямо маленький взрослый.

Цзян-ши с улыбкой отвечала каждому, не смея завязывать долгих разговоров. Крепко держа Цзян Цзыю за руку, она быстрым шагом направилась к их скудному наделу.

Вдоль дороги порхали бабочки, пели птицы, дождевые черви ворошили землю, стрекозы касались водной глади, а дикие зайцы изредка проносились меж стеблей травы. И все они по-

прежнему были на редкость кротки с Цзян Цзыей: завидев его издалека, не пугались и не убегали, а лишь замирали на мгновение, чтобы поглядеть на него, прежде чем неторопливо ускакать в заросли.

Цзян Цзыя остановился на секунду, провожая взглядом убегающего зайца, и тихо прошептал:

— Скоро травы увянут от осенних холодов, приближается зимняя стужа, тебе тоже пора искать надежное укрытие.

Цзян-ши обернулась и нежно сказала:

— У каждого живого существа свой путь. Ты добрый, понимаешь, когда им холодно, а когда тепло, но только больше никому об этом не рассказывай, держи все в сердце.

Цзян Цзыя кивнул:

— Я знаю, буду говорить об этом только с мамой да с травами и зверями.

Добравшись до поля, Цзян-ши согнулась в три погибели, выпалывая сорняки, а Цзян Цзыя присел на корточки на меже. Не бегая, не шая и не капризничая, он молча наблюдал за полевыми обитателями. Когда муравьи вереницей тащили добычу, он бережно переставлял ноги, чтобы никого не задавить и не задеть; когда пчелы кружили над цветами в поисках нектара, он затаивал дыхание, не тревожа их; а когда на поле опускались воробьи, чтобы поклевать зерна, он горстью бросал им несколько сухих колосков и, наблюдая, как птички звонко чирикают, склевывая угощение, позволял легкой улыбке тронуть его личико.

Старый сосед с соседнего надела, заметив это, с улыбкой сказал Цзян-ши:

— Какой же у тебя на редкость кроткий да благонравный ребенок! Никому вреда не причинит, ни в какие истории не ввязывается — вырастет добрым человеком.

Цзян-ши с натянутой улыбкой ответила:

— Вы перехваливаете старика, сосед. Просто нрав у него медлительный, неповоротливый, играть не умеет, только и знает, что сидеть сиднем.

Старик вздохнул:

— Медлительность — это хорошо, значит, будет надежным и благоразумным. В смутные времена излишняя смывленость и яркость только навлекают беду. Ты правильно его воспитываешь.

Услышав это, Цзян Цзыя по-прежнему опустил глаза и ничего не ответил. Он лишь протянул руку и легко провел ладонью по молодой траве у дороги, касаясь пальчиками листьев, словно перешептываясь с растениями. Его дыхание было ровным, и во всем царил покой.

Когда после полудня солнце слегка накренилось, Цзян-ши прервала работу, вытерла пот со лба и протянула сыну чашку с чистой водой:

— Яэр, сделай глоток, передохни немного. Не сиди долго на корточках, ноги затекут.

Цзян Цзыя взял чашку, сделал пару маленьких глотков и первым делом протянул ее обратно матери:

— Мама, пей первой, ты устала работать.

На сердце у Цзян-ши потеплело, а в глазах зашипало:

— Мама не хочет пить, пей сам.

В разгар этого отдыха вдали показался странствующий учжу. На нем было грубое даосское облачение, в руке он держал деревянный посох, а к поясу был приторочен бамбуковый тубус для гаданий. Шел он неспешно. Проходя мимо поля, его взгляд случайно упал на Цзян Цзыю, после чего путник резко замер, а в его глазах промелькнуло изумление.

Учжу медленно приблизился и, сложив руки в приветствии, обратился к Цзян-ши:

— Добрая госпожа, прошу прощения за беспокойство. Старец держит путь через эти места и заметил, что у вашего ребенка необычное выражение лица, а в глазах таятся звезды. Уж не позволите ли взглянуть на него поближе?

Сердце Цзян-ши сжалось. Торопливо заслонив собой сына, она попыталась сохранить невозмутимость:

— Даосский наставник шутит. Деревенский мальчишка, тупой и непонятливый, грубый увалень — какая там необычность, обычный ребенок.

Учжу легко улыбнулся. Его взгляд по-прежнему был прикован к Цзян Цзые, и он тихо вздохнул:

— Госпожа может не скрывать. В зрачках этого мальчика прячутся звезды, а его ци пронизывает небо и землю — это не обычная смертная плоть. Если старец не ошибается, в будущем он потрясет всю Поднебесную.

Лицо Цзян-ши побелело, она замахала руками:

— Наставник и впрямь ошибается! Малыш труслив и робок, языком не владеет, едва говорит — разве достоин он таких слов, как потрясти Поднебесную?

Учжу больше не стал спорить. Глядя на Цзян Цзыю, он мягко спросил:

— Дитя, подними-ка голову. Посмотри на небо, на плывущие облака, на тени солнца и звезд — что чувствует твое сердце? Что ты можешь сказать об этом?

Цзян-ши от страха затряслась всем телом. В панике прижав ладонь к плечу мальчика, она зашипела низким голосом:

— Яэр, не поднимай голову! Не смей говорить! Смотри в землю!

Но четырехлетний Цзян Цзыя медленно поднял голову. Его взгляд устремился в бескрайнюю высь, к плывущим по небу облакам и еле заметным при дневном свете звездам. Его глаза были совершенно спокойны, но вместе с тем глубоки, как бездна.

Крестьяне, трудившиеся на соседних полосах, тоже заметили происходящее. Бросив работу, они издалека уставились на них, переходя на шёпот.

— Этот учжу смотрит на ребенка из семьи Цзян?

— Уж не разглядел ли он чего?

— Как бы беды не накликать... Словам странствующих прорицателей нельзя верить.

Цзян Цзыя по-прежнему глядел в небеса. Его маленькая фигурка стояла на полевой меже, спина была прямой, а дыхание — ровным и глубоким, совсем не по возрасту для четырехлетнего ребенка.

Мгновение спустя он тихо открыл рот. Впервые в жизни он произнес полные, четкие, холодные, твердые и неизмеримо превосходящие его возраст слова. Голос был негромким, но каждое слово отчетливо долетело до ушей каждого присутствующего, прозвучав подобно раскату грома:

— Императорская Звезда тускнеет, Поднебесная погрузится в хаос.

Едва эти слова сорвались с его губ, как стих ветер, замерли облака, а на поле воцарилась абсолютная, мертвая тишина.

Лицо Цзян-ши стало белым как бумага. Обезумев от ужаса, она бросилась вперед, намертво зажав Цзян Цзые рот ладонью и крепко обхватив его руками. Ее тело заходило в крупной дрожи, из глаз градом катились слезы, а страшный, сорванный от ужаса голос дрожал:

— Замолчи! Не смей говорить! Яэр, замолчи!

— Эти слова — дорога к истреблению рода! Это смертная казнь! Это преступление против государственных устоев и хула на Сына Неба!

— Больше ни слова! Ни полсловечка!

Зажатый матерью рот не позволял Цзян Цзые произнести хоть звука, но в его глазах по-прежнему не было ни страха, ни паники. Он лишь спокойно глядел на искаженное ужасом и отчаянием лицо матери и слегка кивнул в знак того, что все понял.

Лицо учжу резко изменилось. Сделав шаг назад, он сложил руки в почтительном жесте и шумно вздохнул:

— Воля Небес! Воля Небес! Этот ребенок одним словом раскрыл небесную тайну: государственная удача уже явила зловещие знамения, и великая смута в Поднебесной не за горами! Госпожа, берегите его как следует. Судьба этого мальчика связана со всей Поднебесной, но именно поэтому он быстрее прочих навлечет на себя смертельную гибель!

Не смея больше задерживаться ни минуты, учжу отвесил поспешный поклон, резко развернулся и зашагал прочь, страшась запятнать себя чужой бедой.

Окружающие крестьяне к тому моменту уже потеряли всякий цвет лиц. Пятясь назад, они смотрели на мать с сыном совсем не так, как прежде — в их взглядах читались страх, суеверный ужас, отчуждение и даже скрытая угроза.

— О боже! Императорская Звезда тускнеет, Поднебесная погрузится в хаос... Да это же преступные речи о судьбах государства!

— Казнь! Истребление всего рода! Как можно было произнести такое вслух?!

— Матушка Цзян, твой ребенок... Угони его наконец! Если эти слухи разойдутся, пострадает вся наша деревня!

— Он сошел с ума! Просто с ума сошел! Четырехлетний малыш — и рассуждает о таком!

Цзян-ши падала перед односельчанами на колени, кланяясь до земли, заливаясь слезами и дрожащим голосом умоляя:

— Уважаемые соседи, умоляю вас! Сделайте вид, что ничего не слышали! Ребенок мал и глуп, он мелет чепуху, детские речи ничего не значат, не верьте ему, не верьте!

Обезумевшие от страха крестьяне не смели больше оставаться. Качая головами и тяжело вздыхая, они разошлись в разные стороны, держась от этого места как можно дальше, страшась быть втянутыми в беду.

Цзян-ши, не смея больше медлить, дрожа всем телом, буквально волоком дотащила Цзян Цзыю до дома. Вбежав внутрь, она захлопнула дверь, задвинула засов и плотно заткнула щели в окнах. Внутри воцарился полумрак, похожий на тюремную камеру.

Усадив Цзян Цзыю на край канга и отняв руки, она продолжала сильно дрожать всем телом. Из ее глаз потоком лились слезы, а взгляд, прикованный к мальчику, был полон дикого ужаса и хриплого отчаяния:

— Ты понимаешь, что ты сейчас сказал?! За такие слова отрубают головы! За такие слова вырезают весь род целиком!

— Императорская Звезда — это звезда Сына Неба, а слова о грядущей смуте в Поднебесной — проклятие государству! Если власти услышат это, нас с тобой забьют до смерти палками, сожгут эту хижину и перебьют всех наших сородичей!

— Тебе всего четыре года! Зачем ты произнес такое?!

<http://bllate.org/book/19338/1890980>